

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

**ВЗЛЕТ
РАЗРЕШАЮ!**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К70

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Корчевский, Юрий Григорьевич

К70   Взлет разрешаю! : роман / Юрий Корчевский. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Лен-
инград», 2021. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-134492-4

Павел Игнатов волею судьбы попал из нашей современности в 1938 год. Закончил авиаучилище и воевать начал с первых дней войны. Опыта нет, только прибыл в полк после учебы. Да еще и самолет морально устаревший — СБ. Был сбит, ухитрился выжить и к своим вернуться. После ранения перегонял бомбардировщики на трассе АлСиб, лендлизовские «дугласы». Потом и воевал на таком, в варианте торпедоносца на Балтике. Потери среди летчиков полка больше, чем среди штурмовиков или истребителей. А как закончилась война, сразу демобилизовали. Как же — на временно оккупированной территории находился. И на гражданке не пропал, в Якутии пассажиров и грузы возил.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134492-4

© Юрий Корчевский, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

УТРАТА ИЛЛЮЗИЙ

Сбылась мечта Павла. Позади экзамены, в том числе по физподготовке, на которой срезались многие. И вот он уже зачислен курсантом в военное летное училище. Схлынуло напряжение и волнение приемных недель, впервые спал спокойно и безмятежно. Утром всех разбудил крик дневального:

— Рота! Подъем!

Вскочил, как и все, бегом в туалет и умывальник. Но что-то вокруг изменилось. Мебель допотопная и стоит не так, а на дневальном форма устаревшая, какую в кино видел. Гимнастерка без погон, петлицы. А больше всего поразило знамя и часовой возле него в конце коридора. Знамя красное, с серпом и молотом, а часовой с винтовкой-трехлинейкой. Настоящий шок испытал на построении, когда командир объявил развод на хозяйственные работы и дату. Павлу показалось — ослышался. Но все курсанты стоят со спокойными лицами. Хотелось переспросить, но дождался окончания и команды «Разойдись!». Поинтересовался у соседа:

- Какое сегодня число?
- Шестнадцатое июля.
- А год?

Парень засмеялся.

— Перегрелся на экзаменах? Тридцать восьмой!
Как и вчера.

Павел попал на хозяйственные работы — красить забор. Там перезнакомился со своим учебным взводом. Думал, что попозже разберется, что произошло? Год в самом деле оказался тридцать восьмым и сотовых телефонов нет, как и телевизоров. Но было главное — самолеты. И если нет возможности выбирать время, в котором живешь, его надо принять как данность. Даже интересно было. Страна пела и он пел.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор!

У курсантов форма красивая, темно-синяя, петлицы голубые. В первый же выходной, через месяц после принятия присяги, когда получил увольнительную, сразу в город, к фотографу. Себе на память в альбом, как делали многие. И девушке бы послал, если б была. Парни с курса постарше сказали, что познакомиться не проблема. И познакомиться хотят, и замуж выйти. За красного командира — это почетно, престижно. Курсанты в хорошей физической форме, а у командиров и жалование приличное, и перспективы роста.

Учился не за страх, а за совесть. Курсанты вечером в клуб, кино смотреть с Любовью Орловой в главной роли, а он в класс либо на тренажер. Ко-

мандиры и инструкторы примечали настойчивость Павла, жажду знаний. Два года пролетели быстро, и вот уже выпускной вечер, первое звание и кубик в петлицу.

После тридцать девятого года, освобождения Западной Украины и Белоруссии, согласно договору с Германией, границы СССР передвинулись на сто—двести—триста километров. Соответственно и воинские части передислоцировались ближе к границе. Однако промашка вышла. Укрепрайон по старой границе разорили — сняли вооружение, вывезли запасы боеприпасов и продовольствия. А новый укрепрайон создать не успели. Да и не торопились особо. Ведь сам товарищ Сталин сказал, что воевать будем на чужой территории и малой кровью.

«Если завтра в поход, если черная сила нагрянет...» Шашки наголо и вперед, красные кавалеристы! Даже перед самым началом войны кавалерия в Красной армии считалась современным родом войск, хотя в Германии в фаворе танковые и механизированные войска и тактика другая.

Авиаполк, в который прибыл служить Павел, располагался под Минском. В полку бомбардировщики СБ нескольких модификаций. Самолет в авиаполках пользовался уважением. Как же, в войне в Испании всего два года назад эти бомбардировщики вылетали на боевые задания без истребительного прикрытия, потому как легко уходили от немецких «хейнкелей» или «испано-сюиз». Однако немцы сделали выводы и выпустили «Мессершмитты-109». Хорошо проявили себя «худые», но война закончилась.

Вилли Мессершмитт выводы сделал из отчетов летчиков, стал усовершенствовать истребитель. В туполевском бюро ограничились установкой двигателей немного большей мощности. Павлу повезло, он получил самую новую модификацию, СБ-2М, с двумя двигателями по 1050 л. с., с верхней стрелковой турелью МВ-2, где был установлен пулемет ШКАС. Калибр винтовочный, но скорострельность высокая. Однако оказалось — ненадежен пулемет и масса секундного залпа мала, потому сбить самолет противника затруднительно. А только выяснилось это уже при боевых вылетах.

Самолет свой, первый в летной карьере, Павел любил. Когда проводил предполетный осмотр, поглаживал детали, разговаривал как с живым. На недостатки внимания не обращал. Кабина тесная, в комбинезоне меховом не развернешься? Так и на солнце пятна есть. Значит — конструкторам есть над чем работать. Зато обшивка гладкая, не гофрированная, как на ТБ-3 или ТБ-7 этого же конструкторского бюро, Анатолия Николаевича Туполева. Все ступени новичка Павел прошел — вывозные полеты, полеты на учебном СБ, единственном в полку, потом на слетанность эскадрильей и звеном. Гордость брала, когда видел перед собой в воздухе всю эскадрилью, все девять бомбардировщиков. Силища!

После выпуска из училища всего месяц минул. В газетах писали — войны с Германией не будет, подписан Пакт о ненападении. Да и то верно, кто же будет везти стратегические товары — пшеницу,

лес, стать вероятному противнику? А то, что такие составы идут через границу, через Брест, Павел видел сам во время полетов. Вот что не нравилось, так это полеты немецких самолетов над нашей территорией. В неделю раз-два случались, на самолетах военно-транспортных, вроде Ю-52 или пассажирских, но без пассажиров. Стрелять по нарушителям было категорически запрещено, нельзя провоцировать немецких друзей. Периодически принудительно сажали с помощью истребителей. Немецкие пилоты заявляли, что заблудились. При этом морды нагло-заносчивые, понятно, что врут. Ясно было — ведут разведку приграничных районов.

Наши летчики понимали, что такие полеты совершаются с целью разведки и рекогносцировки перед наступлением.

Немецкие самолеты и летчиков приходилось возвращать в присутствии немецкого военного атташе.

Суббота 21 июня 1941 года выдалась погожим днем. В городском доме культуры танцы. И военнослужащие готовились — гладили форму, до зеркального блеска чистили сапоги, брились до синевы. И девушки прихорашивались. У большинства туфли парусиновые, белые. Их чистили зубным порошком. Кудри завивали, чтобы прическа, как у Любови Орловой, киноактрисы тех лет. Как раз вышли фильмы «Свинарка и пастух», «Волга-Волга».

Танцы длились до полуночи, потом оркестр перестал играть и ушел. Перезнакомившиеся пары

разошлись по улицам, прошли в рощу и к берегу речушки.

В три часа пятнадцать минут небо наполнилось гулом моторов. Самолетов в ночном небе еще не видно, но по звуку — немецкие. На их двигателях стояли турбины для наддува, и звук был характерный. Павел еще удивился, почему самолетов так много? А потом в стороне расположения авиаполка послышались взрывы, показалось пламя. Летчики, техники и прочий персонал полка побежали к аэродрому. Там творится ад кромешный. Горят несколько самолетов, горят ангары, горят и взрываются склады. Самое обидное — самолеты стоят, как на параде, в линейку, без всякой маскировки. И ни одна зенитка не открыла огонь. Был приказ Сталина — огнем на провокации не отвечать!

Вражеские самолеты улетели. Единственная пожарная машина и пожарный расчет пытались тушить очаги пожара.

Летчики прибежали в штаб полка. Ни командир, ни комиссар приказов не получали, были в растерянности, пытались безуспешно дозвониться до штаба округа. Радиосвязи не было, а проводная уже была перерезана группами диверсантов. В первый год войны они создавали много проблем — резали провода связи, убивали командиров, устраивали поджоги, поднимали панику. Кричали «Танки! Немцы окружают!»

Провокаторам верили, потому как одеты были в советскую форму. А это были солдаты батальона «Бранденбург-800», диверсионного подразделения Абвера, знающие русский язык на уровне родного.

Только к полудню в штаб полка примчался мотоциклист с пакетом. В документе был приказ на вылет и указаны цели. Да уже и так было понятно — война! На западе было слышно гроыхание, как далекий гром. Это били пушки. Их звук был слышен за два десятка километров. Третья часть самолетов полка были повреждены или уничтожены при бомбардировке. Экипажам самолетов, которые уцелели, раздали полетные карты с указанием целей. Весь полк должен был нанести бомбовый удар по шоссе Минск–Брест. Оружейники подвесили бомбы, топливозаправщики залили полные баки бензина. У экипажей настрой боевой. Сейчас дадут немцам жару, будут бежать! Красная армия всех сильнее! Японцы под Халхин-Голом и у озера Хасан получили отпор, притихли.

Взлетали поодиночке, один за одним, над аэродромом выстраивались в круг, собирались поэскадрильно. При взгляде на десятки бомбардировщиков Павла распирала гордость. Полк, в неполном составе, без истребительного прикрытия, направился курсом двести семьдесят, на запад. Впереди виднелись многочисленные дымы. Высота две тысячи метров. Стали видны войска на булыжном шоссе. Танки, машины, тягачи.

Командир снизился, желая разглядеть — немцы на дороге или свои? Нанести бомбовый удар по своим, что может быть хуже? Снизу, от машин, к СБ потянулись огненные трассы. Самолет мгновенно вспыхнул. Из него никто не успел выпрыгнуть с парашютом. Бомбардировщик взорвался, превратившись в огненный шар. Видимо, огонь

добрался до бомбоотсека. На всех самолетах стояли радиостанции «Двина». Оставшийся за командира главный штурман полка отдал приказ:

— Бомбить с высоты тысяча метров и сразу возвращаться на свой аэродром! Делай, как я!

Самолет штурмана полка заложил вираж со снижением, высыпал бомбы. Внизу вспыхнули разрывы. Второй самолет заложил вираж. В это время стрелок по внутренней связи докладывает Павлу:

— Командир, вижу неопознанные самолеты!

Павел головой крутить стал. Ага, две четверки, довольно быстро приближаются. Очертания непривычные. У наших И-16 капот мотора большой из-за двигателя воздушного охлаждения. А эти какие-то узкие, худые, как голодные щуки. Сейчас надо избавиться от бомб, с ними самолет неповоротлив, а еще есть опасность взорваться от случайного попадания пули. Павел не стал ждать, свалил самолет в пике, на высоте тысяча метров перевел СБ в горизонтальный полет прямо над шоссе, забитом техникой. Начал сброс бомб, одну за одной, не пачкой. Обернувшись, с удовлетворением отметил, что взрывы точно ложатся на дороге, среди машин и танков.

С земли к его самолету потянулись огненные трассы. Зенитное прикрытие колонн у немцев всегда было сильным, как оказалось позже.

Бомбы сброшены, бомболоуки закрыты, начал набор высоты. В наушниках крик бортстрелка:

— Истребители атакуют!

— Не торопись, целься тщательно, как на полигоне.

На полигоне и мишень неподвижна, и пулемет со стрелком. А сейчас в восходящих потоках воздуха и бомбардировщик покачивается и истребители, попробуй — попади! Да что истребителю, у которого летчика спереди защищает бронестекло и мотор, снизу бронированная чаша сиденья, сзади бронеспинка, пули винтовочного калибра? Во время Второй мировой войны большинство самолетов было сбито авиационными и зенитными пушками.

Сзади, со стороны турельной установки, слышались пулеметные очереди. Сначала короткие, потом длинные. Похоже, дело серьезное. Павел обернулся. Оба истребителя висят в ста метрах за хвостом, ведущий открыл огонь. СБ бронирования не имеет.

Первая очередь пришлась по правой плоскости, вторая по турели стрелка. Голова воздушного стрелка исчезла. Убит? Ранен?

Еще очередь, на этот раз пушечная, по левому мотору. Сразу черный дым повалил, но огня не видно. Павел перекрыл бензокран, включил систему пожаротушения. Дым перестал идти. Винт левого мотора остановился, странно было видеть его в полете в неподвижном состоянии.

Павел запросил штурмана:

— Сколько до аэродрома?

— Полсотни пять.

Если второй мотор не повредят, на одном дотянуть можно. Еще очередь из истребителя, на этот раз по хвостовому оперению пришлась, какие-то куски обшивки полетели.

Навстречу промчались два наших «ишака», как летчики называли И-16. В руках опытного pilota они еще могли противостоять «мессерам» модификаций В, Г.

Сразу схватка завязалась. На дорогах внизу не видно никаких воинских частей. Павел удивился. А где линия обороны? Где подходящие из тыла резервы? Понятно, что немцы напали вероломно, без объявления войны. Надо объявить мобилизацию, выдвинуть из ближнего расположения кадровые части — танки, артиллерию, пехоту. Во время полетов он сам видел танковый полк с новейшими Т-34. Не знал в тот момент, что немцы разбомбили танкохранилища.

Танки стоят без солярки и боеприпасов. И, когда немцы подойдут близко, часть танков утащат дальше в тыл тракторами, а часть взорвут. Сказывалась еще неразбериха с топливом. Все танки РККА работали на бензине, только Т-34 и КВ на солярке, а тягачи и трактора на лигроине. К такому разнообразию топлива тыловые службы готовы не были.

Еще подвела картографическая служба, причем вина целиком лежит на Генштабе, на принятой ошибочной доктрине. Провозглашали, что воевать будем малой кровью, на чужой территории. Вот управление военной картографии напечатало карты сопредельных государств и даже дальше, до Ла-Манша. А своих карт остро не хватало, да и лежали они на складах, которые немцы сожгли в первые же дни войны. Красная армия осталась без карт. Как командиру поставить задачи подчиненным, если

направление на цель известно приблизительно, как и дальность и естественные препятствия, вроде рек, балок, которыми изобилуют белорусские земли.

Обороты мотора на максимуме, одна тысяча девятьсот в минуту, за мотором от перегрузки тянется сизый дымок выхлопа. Самолет слушается рулей вяло, с запозданием. Штурман командует:

— Влево двадцать и по курсу будет полоса.

Сели, подняв с грунтовой полосы пыль, зарулили на стоянку. Подбежали техник, моторист, оружейник. Первым делом через нижний люк вытащили тело убитого воздушного стрелка. Павел первый раз видел тело убитого человека, причем хорошо знакомого, члена экипажа. Было и страшно и нелепо. Недавно говорили с ним — и вот он убит. Молодой, планы строил на жизнь, должен был демобилизоваться по осени.

Потом с техником начали осмотр самолета. Техник мрачнел с каждой минутой.

— Как вы только долетели? Посмотрите, что осталось от хвостового оперения!

Видимо, туда попал снаряд. От горизонтальных рулей какие-то жалкие клочки.

— Дня два-три на ремонт уйдет, — заявил техник.

Павел со штурманом направились в штаб полка, доложили о вылете, выполнении приказа, об убитом стрелке и повреждении самолета. Ждали, пока сядут на аэродроме другие самолеты, топлива оставалось еще на двадцать минут. Но минуты уходили одна за другой, а сел только один самолет. И перед Павлом еще два приземлились. Итого — в полку